

Л. А. Болокина

Негативные настроения калининцев в 1941—1943 гг.

В статье рассматриваются критические по отношению к власти настроения жителей Калининской области, существовавшие в годы Великой Отечественной войны. Показаны факторы появления и распространения негативных настроений, периоды их усиления, причины недовольства представителей разных категорий населения. Отрицательные оценки у части калининцев вызывала как внешняя, так и внутренняя политика советского руководства, действия местных партийных и советских органов власти, неспособность чиновников к решению нараставших социальных проблем. Носителями «нездоровых» настроений были прежде всего эвакуированные, мобилизованные на различные работы, семьи военнослужащих, находившиеся в трудной жизненной ситуации.

Ключевые слова: колхозы, налоги, оборонные работы, общественные настроения, советская власть, эвакуированные.

Общественные настроения военных лет крайне односторонне показаны в советской историографии по причине жестких идеологических рамок, существовавших в стране. Всесторонне исследуя природу патриотических реакций граждан, историки избегали анализа так называемых нездоровых настроений, присутствовавших в советском обществе, и только отдельные упоминания о них как «пережитках капитализма», проявившихся после начала войны в некоторых регионах, встречаются на страницах фундаментальных изданий [14, с. 568; 15, с. 40].

В середине 1990-х — начале 2000-х годов выходит ряд публикаций, освещающих духовную жизнь населения СССР в период Великой Отечественной войны, авторам которых удалось существенно дополнить представления об этом явлении [6; 20; 21; 23]. Н. Д. Козлов связывает особенности общественного сознания советского народа, проявившиеся в годы борьбы с агрессором, с моральным потенциалом, накопленным к началу войны. В его трудах прослеживается эволюция массовых настроений и попытки воздействия на них со стороны государства. Автор признает наличие негативных настроений и указывает группы населения, среди которых они были распространены [20; 21]. В. Ф. Зима исследует влияние общеисторических факторов на российский менталитет, отмечает проявления ментальных установок в поведении комбатантов и жителей тыловых территорий в экстремальных условиях войны [10]. Работы Е. С. Сенявской посвящены большей частью психологии военнослужащих; в них показаны пути распространения коллективных настроений на войне, взаимоотношения народа и власти, отражены противоречивость и разноплановость общественного сознания советских людей, выявившиеся в период войны [31]. Автор основательного труда по проблеме коллаборационизма времен Второй мировой войны М. И. Семиряга, рассматривая истоки и типы этого явления, отличия его у советских граждан, естественным образом касается и вопроса о присутствовавших настроениях [30]. В солидном четырехтомном издании, вышедшем на излете XX века, признано ошибочным утверждение об исключительно патриотическом настроении населения СССР в 1941 г. [3].

Особое место занимают работы нижегородского историка В. А. Сомова. Согласно его концепции, в военный период имели место факторы, обусловившие как конструктивные, так и деструктивные формы поведения населения. При изучении трудовой мотивации советских граждан в годы войны ученый органично связывает и демонстрирует действие таких разнородных факторов, как идеологический контроль государства, образ Сталина,

© Болокина Л. А., 2019

слухи, сведения о событиях на передовой и письма с фронта [34]. В одной из статей он анализирует «нездоровые» настроения советских людей, появившиеся в 1941—1942 гг., выделяя обстоятельства их формирования: внезапность начала войны, разное восприятие информации о ходе военных действий и деморализующее ощущение опасности быть завоеванными, несоответствие довоенных представлений о будущей войне и реальных территориальных потерь [33].

На наш взгляд, самый серьезный вклад в изучение негативных настроений военного времени внес ученый из Санкт-Петербурга Н. А. Ломагин. Его работы по данной теме содержат подробный источниковедческий анализ, описание практики политического контроля государства над массовыми настроениями в Ленинграде накануне и в ходе войны. Рассматривается деятельность органов политического контроля, нарастание негативных настроений в условиях начала блокады, динамика настроений как среди населения Ленинграда, так и в рядах защитников города в последующий период [24; 25].

Внимание А. В. Голубева направлено на анализ настроений, связанных с отношением советских людей к противнику и союзникам. В публикациях автора детально исследованы особенности восприятия гражданами СССР международных событий, действий Великобритании, США, приведены разнообразные оценки происходившего [4; 5].

Тема настроений, присутствовавших в годы Великой Отечественной войны среди военнослужащих Красной Армии и гражданского населения, за последние десятилетия разработана в целой серии диссертационных исследований [7; 9; 19]. Авторы осветили следующие аспекты: влияние пропаганды на развитие массовых настроений, изменение настроений на различных этапах военных действий, особенности настроений различных социальных групп и др. Постоянно возрастает число публикаций об изменении религиозных настроений в годы войны [27; 54].

Многие современные историки, исследующие жизнь отдельных тыловых и прифронтовых регионов в годы войны, также затрагивают тему общественных настроений [16; 17; 22; 32; 55]. Как правило, они признают наличие критических по отношению к власти, иногда крайне негативных, настроений, однако отмечают преобладание патриотического настроения, некоторые авторы подчеркивают социально-классовое и политическое единство советских трудящихся [25]. Значительное внимание анализу причин появления и типам массовых реакций на события военных лет, существовавших в различных социальных группах, уделяет волгоградский исследователь Т. А. Павлова [28].

В Тверской области упоминание о наличии противоречивых настроений граждан в начале войны прозвучало в диссертации В. И. Ирлицына, некоторые тенденции эволюции общественного сознания отражены в публикациях автора настоящей статьи, однако негативные настроения военных лет еще нуждаются в тщательном изучении [1; 2; 13]. С учетом сказанного выявляется новизна представленной статьи.

Источниковой базой исследования послужили архивные документы. В основном это различного рода информации, направленные на имя первого секретаря Калининского обкома ВКП(б) И. П. Бойцова партийными и советскими чиновниками, а также справки, докладные записки, отчеты, спецсообщения руководителей УНКВД по Калининской области. Интересные сведения были извлечены из документации уполномоченных комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Калининской области. Ценным источником по теме явились уголовно-следственные дела, ведь их фигурантами чаще всего становились люди с критическим отношением к окружающей действительности. Информация о настроениях граждан, занятых на оборонных работах, и реакции калининцев на сборы для строительства танковой колонны получены из материалов спецсводок, содержащих отрывки корреспонденции, проверенной военной цензурой. Сводки составлялись со-

трудниками спецотделов УНКВД и включали мнения, оценки критического характера. Дополнительным источником стали опубликованные, а также записанные автором воспоминания уроженцев Калининской области, переживших события войны.

Как в предвоенный период, так и после начала военных действий настроения, которые в официальных документах обычно назывались «нездоровыми» или «отрицательными», являлись неотъемлемой частью индивидуальных и массовых настроений граждан СССР. Н. А. Ломагин приводит следующее определение: негативные настроения — это «вся совокупность сомнений, критики или же неприятия внутренней и внешней политики советского государства, выраженных в качестве чувств или умонастроений» [25, с. 6]. Подобные настроения жителей Калининской области и стали объектом данного исследования.

Во время войны решающее влияние на общественное сознание оказывала информация о развитии военных действий. Получение плохих новостей обычно приводило к росту отрицательных настроений. И хотя в первый период войны советские люди редко слышали ободряющие известия, попытаемся выделить внешнеполитические события, вызывавшие увеличение числа критических замечаний и оценок среди калининцев. Разумеется, первым следует назвать вторжение Германии на территорию СССР, затем приближение вражеских войск к Москве и захват немцами Калинина в октябре 1941 г., а также неудачи Красной Армии летом 1942 г. Всплески обсуждений среди населения, в ходе которых озвучивались и мнения пессимистического характера, наблюдались после подписания договоров между СССР и Великобританией, а также СССР и США в мае — июне 1942 г., роспуска Коминтерна в 1943 г. и др. Тот факт, что настроения напрямую зависели от происходившего на полях сражений, хорошо иллюстрируют строки из доклада заместителя начальника УНКВД по Калининской области, написанного весной 1943 г. Автор характеризует моральное состояние сотрудников милиции как здоровое, но признает, что отдельные товарищи «подчас шарахаются из одной крайности в другую, то они становятся усердными проводниками вредных шапкозакидательских настроений, то наоборот, при первой же неудаче на том или ином участке фронта сразу “перестраиваются” на другой лад и начинают увеличивать трудности или впадают в уныние и в толкование важнейших политических вопросов и упрощают» [38, л. 340 об.]. Подобные колебания присутствовали и в других социальных группах.

С самого начала войны люди рассуждали о том, каков будет ее финал. И уже 22 июня находились граждане, прогнозировавшие будущий успех Германии [48, л. 13 об., 20, 21]. Как правило, основой таких версий являлось представление о мощи немецких вооруженных сил, подкрепленное развитием событий на фронте. Источником сведений о противнике для жителей тыловых районов (напомним, что на территорию Калининской области противник вступил в июле. — Л. Б.) стали рассказы беженцев из прифронтовой зоны, раненых красноармейцев, а также участников Первой мировой войны, побывавших в плену, иногда проживших там несколько лет. В некоторых письмах с передовой бойцы делились неутешительными впечатлениями о соотношении сил воюющих армий, и хотя благодаря усилиям цензуры подобные строки лишь иногда доходили до адресатов, все же такие случаи были [27, с. 21; 52, л. 8]. Уходившие от приближавшихся боев, а позднее пережившие недолгую оккупацию жители описывали современное обмундирование немецких солдат, наличие у них большого количества танков, артиллерии, пулеметов, автомашин и мотоциклов [18, с. 10; 51, л. 15, 16; 53, л. 10, 12]. Сомнения в способности Красной Армии дать отпор врагу порой усиливались при виде неважно одетых, невооруженных мобилизованных, разговорах о голоде в рядах советских военнослужащих [36, л. 22; 40, л. 43, 44; 47, л. 9, 10, 43]. Воспоминания очевидцев событий тех лет содержат

подтверждения того факта, что во время стремительного наступления вермахта в 1941 г. и оккупации западной части Калининской области вера в победу СССР ослабла [11, с. 4; 12, с. 1].

Летом 1942 г. известия о продвижении войск противника на южном направлении вновь вызвали дискуссии о силе врага и разочарование в действиях советских военачальников [36, л. 23, 27; 50, л. 12]. В 1943 г. работница одного из калининских заводов предположила: «Кавказ возьмут — и советской власти каюк». Удивительно, но даже осенью 1943 г., после впечатляющих побед Красной Армии, среди рабочих можно было услышать, что «немец технически сильнее и нам его не победить» [39, л. 69 об.].

Длительное отступление советских войск в 1941 г. заставило калининцев размышлять о причинах создавшегося положения. Докладчики и лекторы повсюду слышали вопросы о причинах отступления, панического бегства из Калинина, о том, почему у СССР меньше танков и самолетов и когда же кончится война [35, л. 14, 22]. Представители разных социальных групп считали руководителей государства виновными в слабой подготовке к войне, неудовлетворительной организации обороны, потере больших территорий [40, л. 101, 102; 44, л. 14 об., 21; 49, л. 14]. При этом, судя по изученным источникам, о персональной ответственности Сталина речь шла намного реже, чем об ответственности власти вообще. Но разговоры о том, что вождь в самом начале войны покинул Кремль, все же были [46, л. 17, 31 об., 34 об.].

При этом значительная часть критических суждений о Сталине содержала сомнения в его компетентности как военачальника и сопоставления его с другими военными и политическими деятелями прошлого и настоящего. Понятно, что сравнения были не в пользу советского лидера. Так, ветеран Первой мировой войны, побывавший тогда в плену и допускаявший приход немцев в его родные места в 1941 г., приписывал Гитлеру более изворотливый ум, способность все рассчитать и навести порядок [45, л. 11, 14 об., 16]. Преподаватель музыки замечала, что в отличие от «настоящих полководцев», «вершителей исхода войн» — Невского, Суворова, Кутузова, разделявших с солдатами тяготы жизни на войне, Сталин лишь подписывает приказы, сидя в кабинете [36, л. 21]. Аналогичное мнение о нежелании главы государства терпеть лишения высказала весной 1942 г. пожилая женщина, пережившая немецкую оккупацию, и фактически обвинила его в трусости, добавив, что при царе Николае люди не умирали от голода [41, л. 47].

По мнению Н. А. Ломагина, к началу Великой Отечественной войны в массовом сознании населения СССР существовали представления об «эталонных образах» идеальной власти; наряду со Сталиным таким был образ Ленина [25, с. 53]. Действительно, определенная часть калининцев, возмущенных социальной ситуацией в стране во время войны, мысленно обращалась к личности первого советского вождя: «Если бы был жив Ленин, то такого положения у нас в России не было» [39, л. 50 об.]. Идеализируя его образ, люди считали, что «Ленин всегда ставил себя наравне с народом и в трудные минуты делил последний кусок...» [36, л. 56]. Высокий уровень персонификации власти в сознании советских граждан отражает высказывание колхозницы на общем собрании в Сонковском районе: «Чем такой массе проливать кровь, пусть бы Сталин и Гитлер вышли на поединок и кто бы кого победил, того и была бы власть» [39, л. 35]. Слова были сказаны в 1943 г., когда осознание величины человеческих потерь было иным, чем в 1941 г., но помимо того ее призыв свидетельствует о желании получить наглядное доказательство превосходства и одновременно ответственности вождя за судьбу народа.

Оккупация западных районов области привела к обсуждению возможности установления нового режима в остальных районах. Некоторые участники прошлой войны, знакомые с жизнью в Германии не понаслышке, утверждали, что жили там лучше, чем в

царской России; они считали немцев умелыми и эффективными хозяевами, способными к более разумной организации труда и жизни [41, л. 44; 42, л. 11]. Под влиянием пережитых бедствий военной поры, бесконечных поборов, сверхнапряженного труда не только в военный, но и предвоенный период, обид на действия представителей власти у отдельных граждан появлялись надежды на облегчение своего положения, пусть и при немцах. Уточним, что такие ожидания существовали не только в 1941—1942 гг., но и в 1943 г. [36, л. 128; 39, л. 60 об.]. Летом 1943 г. при проведении читки сообщения Совинформбюро в Рамешковском районе прозвучало: «Довольно бы нас мучить, может быть и при фашизме жить не хуже будем» [39, л. 64 об.].

Скептическое отношение к руководителям собственной страны просматривается в некоторых высказываниях о союзниках по антигитлеровской коалиции, которым приписывали стремление всеми способами затянуть открытие второго фронта и в любой момент изменить союзническим обязательствам, обманув СССР. Особенно часто выражали недоверие к Великобритании, считая, что она, как и прежде, использует российский народ в своих целях, а советские правители настолько зависят от воли Англии, что просто не смогут завершить войну без ее разрешения [36, л. 21—23, 27]. Роспуск Коминтерна тоже объясняли желанием исполнить волю англичан. Именно с союзниками, а не с немцами порой связывали возвращение капиталистических отношений, открытие церквей и отмену колхозов. В 1943 г. встречались и такие однозначные формулировки: «Англия и Америка приказали нашему правительству разогнать колхозы» [39, л. 60 об.].

Знакомство с архивными документами показывает, что как в 1941 г., так и в 1943 г. раздавались суждения, критические по отношению к армии и власти одновременно. Так, среди положительных откликов на речь Сталина от 6 ноября 1941 г. в Кесовогорском районе прозвучало мнение, что условия в стране созданы только для командиров и их семей, они обеспечены, но вот с фронта бегут первыми, забирая машины для родственников [35, л. 20 об.]. Чувства людей при очередных сборах на нужды фронта в 1943 г. четко отразило следующее высказывание: «Не жалко нам ничего для наших защитников, туда — на передовую — последнее отдадим, а вот когда помотришь, как красноармейцы здесь, в тылу, теряя честь солдата, пропивают, променивают все до последней рубашки, и сомнение берет — неужели везде так» [39, л. 64 об.]. Наблюдая подобные явления, окружающие предполагали, что в армии «творяется безобразия» и «посылки, отправляемые на фронт, не попадают бойцам, а их делят командиры», хотя собирают с населения «последние тряпки» [39, л. 60, 70]. Таким образом, мнение о социальной несправедливости и отсутствии порядка при советской власти, сформировавшееся у части населения задолго до войны, переносилось на армейские структуры и их руководителей.

Накануне войны примерно три четверти населения Калининской области проживало в сельской местности, большинство селян были колхозниками, поэтому стоит несколько подробнее остановиться на их настроениях. Отрицательное отношение к коллективизации, сложившееся у многих крестьян в 1930-е годы, проявлялось и в военный период. С приходом немцев они связывали роспуск колхозов и возврат единоличного землепользования [48, л. 17]. Отступление Красной Армии породило надежды на возврат утраченного во время коллективизации имущества, а у некоторых на возможность свести счеты с обидчиками [35, л. 17 об.; 43, л. 12]. Даже в 1943 г. находились люди, мыслившие установление власти немцев как возвращение дореволюционных порядков. Среди колхозников Брусковского района зафиксированы слова о том, что «скоро власть старая вернется и вот тогда-то мы расплатимся с председателями колхозов и коммунистами», а «власти советской уже недолго осталось существовать, ее свернет Германия» [39, л. 60 об.].

Однако и в тыловых районах области некоторые колхозники выражали открытое недовольство низкой оплатой труда селян и тем, что государство фактически подчистую забирало урожай. Негативные настроения усилились после выхода 13 апреля 1942 г. постановления правительства о повышении для колхозников обязательного минимума трудодней, и летом дело доходило до отказов выходить на работу [36, л. 13, 94 об.]. Вопросы о том, когда же колхозников станут нормально снабжать промышленными товарами, звучали регулярно на собраниях, лекциях, беседах [39, л. 64 об.].

Значительно чаще, чем нарекания по поводу неправильной организации труда и жизни в колхозах, в источниках встречаются факты негодования колхозников в адрес налоговой системы. Они воспринимали налоги как очень тяжелое, временами непосильное бремя [12, с. 7; 35, л. 76]. Возмущение непомерными поборами заметно проявилось в ходе подписки на Второй государственный военный займ в 1943 г. Тогда из уст колхозницы прозвучало: «Кругом обобрала нас советская власть, хуже немцев. Отправила босых и голых, а теперь еще хотят взять военный налог» [39, л. 35].

Критические высказывания проявлялись и в рабочей среде. При реализации Второго военного займа 23 работницы литейного цеха вагонного завода в Калининском районе отказались подписываться, объяснив, что имеют детей и живут трудно, а также напомнив, что мужья находятся на фронте [39, л. 50 об.]. Аналогичные ситуации были и на других калининских предприятиях, так, одна из работниц заявила: «На заем не подпишусь ни на копейку. К Вам прибывают продукты из Америки, их ест администрация, нам ничего не достается» [39, л. 50 об.].

Многие рабочие семьи калининского хлопчатобумажного комбината размещались в общежитиях, и условия жизни были крайне тяжелыми. Здания не отапливались, водопровод и канализация вышли из строя, а кипятильники и пищеварки функционировали с большими перебоями. Санитарное состояние помещений было соответствующим. Посетивший одно из общежитий докладчик, желавший рассказать о текущем моменте, услышал от проживающих, что о событиях они узнают из газет и по радио, а вот от него требуют ответа, почему не отапливается их жилье, ведь дрова были заготовлены [39, л. 17 об.]. Отметим, что подобные проблемы в рабочих общежитиях Калининского района не были редкостью [37, л. 34, 36; 38, л. 38].

Основными причинами ухудшения морального состояния рабочих часто были дурное питание и отсутствие элементарных бытовых условий, факты самоснабжения начальства, что приводило к ослаблению трудовой дисциплины. Это наблюдалось в коллективе фабрики им. Вагжанова, работники которой игнорировали попытку секретаря партийного бюро провести субботник по очистке фабричного двора, говорили, что «просто не хочется работать». Настрой коллег пояснил помощник мастера ткацкого цеха: «Плохо кормят — одна вода, никто не смотрит, никто не следит, а там в каморочках жрут что хотят» [38, л. 305, 306].

Необходимо отметить, что проблема с нехваткой продуктов питания существовала в Калининской области на протяжении всего военного периода, но в 1943 г. ситуация с продовольственным снабжением в силу нескольких причин значительно усложнилась, и недовольство властью, не сумевшей выправить положение, выражалось большим количеством жителей. Задержки с выдачей продовольственных карточек, отсутствие продуктов приводили к отказам от работы на предприятиях [38, л. 146, 262; 39, л. 69 об.]. На уменьшение норм продажи хлеба в ноябре 1943 г. один из рабочих отреагировал так: «Очевидно, хотят, чтобы и мы так подышали, как в Ленинграде» [39, л. 88].

Одной из категорий граждан, среди которых наблюдались подавленные настроения, иногда переходившие в критические, были мобилизованные на различные работы, и глав-

ными причинами вновь являлись невыносимые бытовые условия, голод и тяжелый труд. Например, таковым было положение людей, отправленных на восстановление областной столицы, пострадавшей во время двухмесячной оккупации. Часть рабочих разместили в бараках и общежитиях, где не хватало коек, постельных принадлежностей, подолгу не было освещения. На завтрак выдавали вареную морковь без всякой приправы, а на обед — щи из серой капусты и кашу с рыбой, плохо промытой, с изрядной долей песка; ужин из 89 человек получали только 25, трудившихся лучше [39, л. 72]. Другие рабочие жили на частных квартирах, где многим приходилось спать прямо на полу, а приготовить пищу было негде. Одна из 6 женщин, занимавших помещение кухни частного дома, констатировала: «Живем в скотских условиях, никто на это не обращает внимания, мы вынуждены будем уехать домой». В сентябре и октябре 1943 г. из 1077 мобилизованных в Калинин рабочих самовольно ушло 214 человек [37, л. 35].

Напряженная обстановка часто наблюдалась среди мобилизованных на оборонные работы, происходившие в 1942—1943 гг. в ряде районов. Обратившись к письмам жителей из разных уголков Калининской области, строивших оборонительные сооружения в начале 1943 г. в Погорельском районе, мы можем ясно представить условия жизни этих людей. Напомним, что на территориях, побывавших под оккупацией или в непосредственной близости фронта, а Погорельский район относился к таким, пригодных для жилья построек сохранилось совсем немного. Поэтому около 300 прибывших разместили в помещении скотного двора, примерно 120 человек проживали в конюшне и не меньшее количество в землянке, где спали «все подряд как цыгане», при этом «вши заели и грязи полно» [38, л. 148, 150, 153]. Отапливались места проживания слабо, одежду и обувь просушивали в очередь и постоянно страдали от сильного холода. Очень быстро после приезда одна из женщин зафиксировала, что «все стали босые и разутые-раздетые, у меня валенки развалились, пальто тоже все худое, хожу на работу разутая, только что в галошах, но и галоши худые» [38, л. 148].

Взятых из дома запасов продуктов хватало ненадолго, а обеспечить работников нормальным питанием организаторы строительства не сумели. Вот так образно описан рацион мобилизованных в одном из посланий родным: «Едим мы два раза в день в 4 часа утра и 8 часов вечера, варят нам суп из пшеницы немолодой пол-литра на раз. Крупина крупину догоняет с дубиной, больше ничего. 800 г хлеба, но в самом деле 600 г, ходим на работу как тени, сдувает ветром... собираем тухлую капусту и то в драку рвем друг у друга» [38, л. 148]. Другая женщина признается, что в эти моменты они вели себя «как собаки» [38, л. 149]. Разумеется, весьма скудное питание совсем не соответствовало характеру работ, которые должны были выполнять мобилизованные, о чем они также рассказывали: «Заставляют рыть норму, но с таких харчей руки и кувалду-то не поднимают. Земля очень мороженная, просто невозможно. Руки очень болят, не знаем как и пережить, если до апреля месяца, — ноги тоже болят» [38, л. 151].

В письмах очень часто встречаются слова о слезах как реакции женщин на невыносимые условия: «Вы бы видели, что здесь происходит, все плачут каждый день, даже жутко, а начальство не обращает внимания...» [38, л. 153]. Часть мобилизованных сбегала; встречаются утверждения, что «очень много народа убежало» [38, л. 149]. Другие же отказывались от подобного решения, опасаясь суда или осознавая физическую слабость. Одна из женщин пришла к заключению, что все равно «придется искать какой-нибудь исход, выбирать из трех: бежать, или же идти добровольно на фронт, или издохнуть в Погорельской конюшне на нарах». Доведенные до отчаяния, мобилизованные все же решались иногда на отказ от работы в самый лютый холод [38, л. 150].

Добавим, что в военные годы проходили трудовые мобилизации на дроволесозаготовки, восстановление освобожденных от оккупации районов, расчистку дорог, строительство аэродромов и т.д., и организация работ нередко сопровождалась описанными выше проблемами с питанием и бытовыми условиями, вызывавшими отрицательную реакцию мобилизованных и их самовольные уходы [36, л. 206, 207, 209].

Следующая группа, среди которой были распространены негативные настроения, — эвакуированные. С июля 1942 г. в Калининской области началось отселение из прифронтной зоны. В Великолукском, Нелидовском, Локнянском и других районах некоторые семьи отказались уезжать и ушли в леса с запасом продуктов. Зафиксированы случаи открытого сопротивления попыткам местных властей и военнослужащих вывезти население, в том числе угрозы применения оружия со стороны жителей [8, л. 97; 36, л. 94, 95, 151]. Главными причинами стали воспоминания о неудачной эвакуации 1941 г. и нежелание оставлять имущество, продукты, страх перед предстоящим голодом, для некоторых также связанный с опытом первой эвакуации.

Прибывшие на новые места жительства сталкивались с проблемами размещения, трудоустройства, нехватки одежды и обуви, а главное — с дефицитом продовольствия. Комплекс трудноразрешимых проблем приводил к подавленности, ощущению безнадеги. Зафиксированы многочисленные высказывания, отражающие угнетенное состояние переселенцев. Характерным примером может послужить следующее: «15 октября нас эвакуировали из Зубцова в Старицу, бросили всех в общежитие и на этом вся забота о нас закончилась. Живем голодные, грязные, вшивые, дети больны, думаю, что скоро придется умереть, вот до чего нас довела эта эвакуация. Помощи нам никакой не оказывают и ни у кого помощи не добьешься» [38, л. 61 об.]. Люди жаловались на холод, невозможность получить хлеб и другие продукты даже по карточкам. Большое количество эвакуированных просили милостыню, но подавали все меньше, и вещей для обмена также не оставалось.

Большинство высказываний и писем переполнены недовольством по отношению к представителям местных и районных властей. Эвакуированные упрекали их в равнодушии, грубости, неспособности руководить должным образом: «Местные руководители на нас никакого внимания не обращают, поэтому многим из нас придется умирать с голоду» [38, л. 62]. При этом некоторые, обвиняя конкретных чиновников, отделяли их поступки от политики советской власти в целом: «Я никогда не поверю, чтобы в советской стране не было заботы о людях, особенно в период Отечественной войны, забота была и есть, она еще стала больше, но вот такие как у нас руководители этим вопросом не интересуются, какое им дело до моих детей, они беспокоятся лишь о себе» [38, л. 162 об.]. Однако выражали и совсем иные мнения, когда сравнивали советскую власть с немцами, как сделала женщина, пережившая короткий период оккупации и эвакуированная из Ржевского района в Новоторжский: «Здесь эвакуированным никакой помощи не оказывают, вот у меня 2 детей, а меня сняли со снабжения хлебом, ведь когда я жила у немцев, то и там мне давали на детей по 300 г хлеба, а здесь приходится погибать с голода» [38, л. 62]. Уточним, что подобные высказывания встречаются в документах крайне редко, их можно назвать единичными, но все же они звучали.

Среди эвакуированных было очень много семей военнослужащих. Будучи не в силах самостоятельно решить возникавшие на каждом шагу проблемы и отчаявшись, члены семей обращались за поддержкой к мужьям, отцам и сыновьям. Чтобы лучше представить число таких обращений, приведем информацию начальника Особого отдела НКВД Калининского фронта от 4 марта 1943 г.: «В адрес воинских частей и соединений фронта поступает значительное количество корреспонденции от семей военнослужащих Кали-

нинской области с жалобами на необеспечение и неоказание помощи со стороны органов местной власти». Например, с 1 по 15 февраля 1943 г. аппарат военной цензуры зарегистрировал 5728 таких почто-документов, из которых примерно 70% исходит от семей военнослужащих Калининской области [38, л. 137].

В письмах на фронт мы вновь видим обиды на представителей власти — «только и думают, как бы для себя послаще» — и возмущение их поведением: «В сельсовет пойдешь и там чуть ли не в шею гонят, тем более сейчас, в такой трудный момент, в сельпо паек совсем отказали, даже и ребятам с 1 января. Сейчас я даже не знаю, что мне делать, вторую неделю не видим ни крошки хлеба, и взять негде, а посмотришь — наши советские работники делают балы, да вечера справляют, а мы беззащитные голодаем» [38, л. 138]. Обратим внимание на слово «беззащитные»: думается, что именно это чувство испытывало большинство эвакуированных, в том числе из семей военнослужащих. Часто авторы писем просят «похлопотать» родных, написать в прокуратуру или другие органы власти, чтобы обеспечить семью хлебом. Обращались во властные структуры и самостоятельно, например, в Бежецкую районную прокуратуру за 1942 г. поступило около 3 тыс. жалоб и заявлений от семей военнослужащих по вопросам снабжения, но выяснилось, что «должных мер к виновникам со стороны прокуратуры не принимается» [38, л. 163].

Разумеется, письма с жалобами к бойцам на передовую приходили не только из мест эвакуации, но и от семей, проживавших в родных стенах. В декабре 1942 г. причиной недовольства стал сбор средств на строительство танковой колонны, точнее, методы сбора денег. От людей требовали суммы, которых у них не было, и приходилось брать в долг, что-то продавать, просить прислать с фронта. Вот такие строки, написанные, скорее всего, под диктовку старших, были отправлены из д. Осиновик Вышневолоцкого района: «Дорогой папаша, если можно, то пришли денежек сколько можешь, а то у нас денег нет. Нам опять надо платить 1000 руб. на жертву, пришли запугали, а мамаша со слезами и подписала, вся деревня подписалась на 30 000 руб. на жертву танковой колонны. Дорогой папаша, я пишу, а мамаша плачет» [38, л. 15].

Жители разных районов с возмущением писали о принуждении при подписке — «заставляли насильно, хоть корову продавай», угрозах не выдавать хлеб не подписавшимся — «удерживают хлеб и продают... разговаривают очень мало — они хозяева», нежелании учитывать положение конкретной семьи — «последнюю хоть юбку продавай или последний кусок хлеба, с этим не считаются, что у меня двое детей, и живу, никого нет, никакой скотины, а чем хочешь плати» [38, л. 15 об.]. Некоторых напугали тем, что отдадут под суд, «угонят в трудовую армию, неизвестно куда», а на членов правления колхозов, комсомольский актив просто оказали моральное воздействие, но в результате и те и другие писали на фронт похожие слова, что «жить дальше никак нельзя» [38, л. 16].

Представленный обзор не охватывает всего спектра негативных настроений жителей Калининской области, но позволяет сделать несколько выводов. «Нездоровые» настроения существовали на протяжении всего рассматриваемого периода, наиболее активно проявлялись осенью 1941 г., летом 1942 г., весной и летом 1943 г. По причине массовой мобилизации мужчин выразителями подобных настроений были преимущественно женщины. Помимо событий на фронте фактором роста отрицательных настроений стало серьезное ухудшение условий жизни, прежде всего нехватка продовольствия и различные сборы средств. Раздражение и критику представителей разных социальных групп вызывало недостойное поведение представителей советских и партийных органов власти, от которых напрямую зависело получение минимальной помощи конкретными людьми и семьями. Критике подвергались и руководители государства: их обвиняли в установлении несправедливого общественного устройства, неспособности отразить агрессию

противника и эффективно распорядиться собранными с населения средствами. Наибольшее распространение негативные настроения получили среди эвакуированных, мобилизованных на разного рода работы, семей военнослужащих по причине исключительно тяжелых материальных и бытовых условий, в которых оказывалось большинство из них. Помимо острой нехватки ресурсов, обусловленной военными обстоятельствами, серьезное значение имели действия местных чиновников, не всегда проявлявших надлежащие организаторские способности и моральные качества, тем самым усиливая негативные настроения. Судя по изученным документам, количество критически настроенных людей в Калининской области измерялось вовсе не единицами, как говорилось в политинформации, направленной в оргинструкторский отдел ЦК ВКП(б) осенью 1943 г. С достаточной уверенностью их число можно назвать значительным.

Список использованных источников и литературы

1. Болокина Л. А. Настроения жителей Калининской области в начале Великой Отечественной войны // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2009. № 4, Т. 4. С. 34—49.
2. Болокина Л. А. Негативные настроения жителей Калининской области накануне Великой Отечественной войны // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 32—35.
3. Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. / гл. ред. комис. В. А. Золотарев, Г. Н. Севостьянов. М., 1998—1999.
4. Голубев А. В. «Мы ждали второго фронта»: союзники глазами советского общества в годы Второй мировой войны // Российская история. 2009. № 6. С. 3—27.
5. Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011. 392 с.
6. Горинов М. М. Будни осажденной столицы: жизнь и настроения москвичей (1941—1942 гг.) // Отечественная история. 1996. № 3. С. 12—19.
7. Горлов А. С. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 22 с.
8. Государственный архив Тверской области. Ф. Р-2043. Оп. 18. Д. 19.
9. Дроздов Ф. Б. Общественные настроения в Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны (июнь 1941 — апрель 1942 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2004. 18 с.
10. Зима В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941—1945 годов. М., 2000. 279 с.
11. Из личного архива автора. Воспоминания Р. В. Овсянниковой.
12. Из личного архива автора. Воспоминания В. И. Разыграевой.
13. Ирлицын В. И. Деятельность органов НКВД в годы Великой Отечественной войны, июль 1941 — ноябрь 1942 г. (на материалах Калининской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 1998. 24 с.
14. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 : в 6 т. / пред. ред. комис. П. Н. Поспелов. Т. 2. М., 1963. 681 с.
15. История Второй мировой войны. 1939—1945 : в 12 т. / гл. ред. комис. Д. Ф. Устинов. Т. 12. М., 1982. 495 с.
16. Кабирова А. Ш. Власть и общественно-политические настроения в Татарстане в период Великой Отечественной войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Новосибирск, 2010. Т. 9, вып. 1: История. С. 211—215.
17. Кабирова А. Ш. Влияние войны на психологическое состояние общества в тыловой Татарской АССР (1941—1945 гг.) // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект : сб. материалов междунар. науч. конф. СПб., 2017. С. 311—317.
18. Кац Г. Первый шаг к Берлину. Тверь, 1997. 128 с.
19. Кирпичникова М. В. Антигитлеровская коалиция в сознании советских людей в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (на материалах Северо-Запада СССР) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 22 с.
20. Козлов Н. Д., Довжинец М. М. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2008. 336 с.
21. Козлов Н. Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995. 140 с.

22. Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной войны: война, народ, победа. Смоленск, 2015. 368 с.
23. Кондакова Н. И. Духовная жизнь России и Великая Отечественная война 1941—1945 гг. М., 1995. 229 с.
24. Ломагин Н. А. Ленинград в блокаде. М., 2005. 544 с.
25. Ломагин Н. А. Политический контроль и негативные настроения ленинградцев в период Великой Отечественной войны : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2005. 568 с.
26. Малышева Е. М. Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941—1945 гг. М., 2011. 492 с.
27. Нам выпало на долю. Война в письмах, дневниках, воспоминаниях : сб. документов и материалов / гл. ред. Д. А. Ефремов. Тверь, 2005. 304 с.
28. Павлова Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград, 2005. 594 с.
29. Потапова А. Н. Рост религиозных настроений в тылу в 1941—1945 гг. // Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. : материалы междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 2015. С. 579—583.
30. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. 863 с.
31. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. 383 с.
32. Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 — май 1942. СПб., 2013. 696 с.
33. Сомов В. А. Война и люди: «нездоровые» настроения советского населения в 1941—1942 гг. // Новый исторический вестник. 2008. № 1. С. 95—105.
34. Сомов В. А. Потому что была война: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Нижний Новгород, 2008. 234 с.
35. Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 147. Оп. 3. Д. 79.
36. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 345.
37. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1148.
38. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1152.
39. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1204.
40. ТЦДНИ. Ф. 425. Оп. 1. Д. 125.
41. ТЦДНИ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 604.
42. ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 12931-с.
43. ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 15004-с.
44. ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 16861-с.
45. ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 18384-с.
46. ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 19451-с.
47. ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 26780-с.
48. ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 26781-с.
49. ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 27578-с.
50. ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 28213-с.
51. ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 31218-с.
52. ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 31433-с.
53. ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 32448-с.
54. Терешина О. В. Религиозная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны и ее неверная государственная интерпретация // Великая Отечественная война — героическая и трагическая страницы в истории советского народа. Междунар. науч.-практ. конф. : сб. статей. Оренбург, 2016. С. 366—371.
55. Хисамутдинова Р. Р. Повседневная жизнь и общественные настроения сельского населения Урала в условиях Великой Отечественной войны // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект : сб. материалов междунар. науч. конф. СПб., 2017. С. 270—279.

Поступила в редакцию 07.08.2019

Болокина Любовь Александровна, кандидат исторических наук, доцент
Тверской государственной технической университет
Российская Федерация, 170026, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, 22
E-mail: bolokinal@mail.ru

UDC 94(470.331)“1941/1945”

L. A. Bolokina

Negative sentiment of Kalinin residents in 1941—1943

The article highlights critical sentiments of Kalinin residents against the authorities in years of the Great Patriotic War. The article reveals the factors of occurrence and spread of negative attitudes, the periods of their aggravation and the reasons for discontent in different population categories. Negative attitudes of some Kalinin residents were caused by home and foreign policies of the Soviet government, the actions of local party authorities, incompetence of the officials to solve social problems. The spokesmen of those negative attitudes were first of all evacuated citizens and persons mobilized for different works and military families in difficult life situations.

Key words: collective farms, taxes, military defense works, community spirits, the Soviet power, evacuated citizens.

Bolokina Lyubov Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associated Professor
Tver State Technical University
Russian Federation, 170026, Tver, nab. Afanasiya Nikitina, 22
E-mail: bolokinal@mail.ru

References

1. Bolokina L. A. Nastroeniya zhitelei Kalininskoi oblasti v nachale Velikoi Otechestvennoi voiny [Community spirit in Kalinin region at the beginning of the Great Patriotic War]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya — Herald of Tver State University. Series: History*, 2009, no. 4, pp. 34—49. (In Russian)
2. Bolokina L. A. Negativnye nastroiya zhitelei Kalininskoi oblasti nakanune Velikoi Otechestvennoi voiny [Negative community spirit in the Kalinin region on the eve of the Great Patriotic War]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta — Izvestiya of Altai State University*, 2009, no. 4, vol. 4, pp. 32—35. (In Russian)
3. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941—1945. Voенно-istoricheskie ocherki: v 4 kn.* [The Great Patriotic War of 1941—1945. Military historical essays. In 4 books]. Moscow, 1998—1999. (In Russian)
4. Golubev A. V. “My zhdali vtorogo fronta”: soyuzniki glazami sovetskogo obshchestva v gody Vtoroi mirovoi voiny [“We waited for the second front”: the allies through the eyes of Soviet society during the World War II]. *Rossiiskaya istoriya*, 2009, no. 6, pp. 3—27. (In Russian)
5. Golubev A. V., Porshneva O. S. *Obraz soyuznika v soznanii rossiiskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn* [The image of an ally in the minds of Russian society in the context of world wars]. Moscow, 2011. 392 p. (In Russian)
6. Gorinov M. M. Budni osazhdennoi stolitsy: zhizn' i nastroiya moskvichei (1941—1942 gg.) [Everyday life of the besieged capital: life and mood of Muscovites (1941—1942)]. *Otechestvennaya istoriya*, 1996, no. 3, pp. 12—19. (In Russian)
7. Gorlov A. S. *Sovetskaya propaganda v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Soviet propaganda during the Great Patriotic War. Abstr. Cand. Dis.]. Moscow, 2009. 22 p. (In Russian)
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Tverskoi oblasti* [State Archive of the Tver Region]. F. R-2043. Op. 18. D. 19.
9. Drozdov F. B. *Obshchestvennye nastroiya v Krasnoi Armii v nachal'nyi period Velikoi Otechestvennoi voiny (iyun' 1941 — aprel' 1942 g.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Public sentiment in the Red Army in the initial period of Great Patriotic War (June 1941 — April 1942). Abstr. Cand. Dis.]. Nizhnii Novgorod, 2004. 18 p. (In Russian)
10. Zima V. F. *Mentalitet narodov Rossii v voine 1941—1945 godov* [The mentality of the peoples of Russia in the war of 1941—1945]. Moscow, 2000. 279 p. (In Russian)
11. *Iz lichnogo arkhiva avtora. Vospominaniya R. V. Ovsyannikovoi* [From the personal archive of the author. Memoirs of R. V. Ovsyannikova]. (In Russian)
12. *Iz lichnogo arkhiva avtora. Vospominaniya V. I. Razygraevoi* [From the personal archive of the author. Memoirs of V. I. Razygraeva]. (In Russian)
13. Irlitsyn V. I. *Deyatel'nost' organov NKVD v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, iyul' 1941 — noyabr' 1942 g. (na materialakh Kalininskoi oblasti): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The activities of the NKVD during the Great Patriotic War, July 1941 — November 1942 (based on materials from the Kalinin region). Abstr. Cand. Dis.]. Tver, 1998. 24 p. (In Russian)

14. *Istoriya Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuz. 1941—1945: v 6 t.* [The history of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941—1945. In 6 volumes]. Vol. 2. Moscow, 1963. 681 p. (In Russian)
15. *Istoriya Vtoroi mirovoi voiny. 1939—1945: v 12 t.* [The history of the World War II. 1939—1945. In 12 volumes]. Vol. 12. Moscow, 1982. 495 p. (In Russian)
16. Kabirova A. Sh. Vlast' i obshchestvenno-politicheskie nastroyeniya v Tatarstane v period Velikoi Otechestvennoi voiny [The power and sociopolitical moods in Tatarstan during the Great Patriotic War (World War II)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya — Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 2010, vol. 9, is. 1: History, pp. 211—215. (In Russian)
17. Kabirova A. Sh. Vliyaniye voyny na psikhologicheskoye sostoyaniye obshchestva v tylovoi Tatarskoy ASSR (1941—1945 gg.) [The effect of war on the psychological state of society in the rear of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic (1941—1945)]. *Ekstremal'noye v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: regional'nyi aspekt: sb. materialov mezhdunar. nauch. konf.* [Extreme in the everyday life of the population of Russia: regional aspect. Proceed. of the Internat. sci. conf.]. St. Petersburg, 2017, pp. 311—317. (In Russian)
18. Kats G. *Pervyy shag k Berlinu* [The first step to Berlin]. Tver, 1997. 128 p. (In Russian)
19. Kirpichnikova M. V. *Antigitlerovskaya koalitsiya v soznanii sovetskikh lyudei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941—1945 gg. (na materialakh Severo-Zapada SSSR): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The anti-Hitler coalition in the minds of Soviet people during the Great Patriotic War of 1941—1945. (Based on materials from the North-West of the USSR). Abstr. Cand. Dis.]. St. Petersburg, 2009. 22 p. (In Russian)
20. Kozlov N. D., Dovzhinets M. M. *Ofitsial'noye i obydennoye soznanie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Official and everyday consciousness during the years of Great Patriotic War]. St. Petersburg, 2008. 336 p. (In Russian)
21. Kozlov N. D. *Obshchestvennoye soznanie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Public consciousness during the years of Great Patriotic War]. St. Petersburg, 1995. 140 p. (In Russian)
22. Komarov D. E. *Smolenskaya oblast' v ogne Velikoi Otechestvennoi voiny: voyna, narod, pobeda* [Smolensk region on fire of Great Patriotic War: war, people, victory]. Smolensk, 2015. 368 p. (In Russian)
23. Kondakova N. I. *Dukhovnaya zhizn' Rossii i Velikaya Otechestvennaya voyna 1941—1945 gg.* [The spiritual life of Russia and the Great Patriotic War of 1941—1945]. Moscow, 1995. 229 p. (In Russian)
24. Lomagin N. A. *Leningrad v blokade* [Leningrad in blockade]. Moscow, 2005. 544 p. (In Russian)
25. Lomagin N. A. *Politicheskii kontrol' i negativnyye nastroyeniya leningradtsev v period Velikoi Otechestvennoi voiny: dis. ... d-ra ist. nauk* [Political control and negative sentiments of Leningrad residents during the Great Patriotic War. Dr. Dis.]. St. Petersburg, 2005. 568 p. (In Russian)
26. Malysheva E. M. *Vo imya Otechestva. Patriotizm naroda v 1941—1945 gg.* [In the name of the Fatherland. Patriotism of the people in 1941—1945]. Moscow, 2011. 492 p. (In Russian)
27. *Nam vypalo na dolyu. Voyna v pis'makh, dnevnikakh, vospominaniyakh: sbornik dokumentov i materialov* [It fell to us. The war in letters, diaries, memoirs. A collection of documents and materials]. Tver, 2005. 304 p. (In Russian)
28. Pavlova T. A. *Zasekrechennaya tragediya: grazhdanskoye naseleniye v Stalingradskoy bitve* [Secret tragedy: civilians in the Battle of Stalingrad]. Volgograd, 2005. 594 p. (In Russian)
29. Potapova A. N. Rost religioznykh nastroyenii v tylu v 1941—1945 gg. [The growth of religious sentiment in the rear in 1941—1945]. *Podvig sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine 1941—1945 gg.: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [The feat of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941—1945. Proceed. of the Internat. sci.-pract. conf.]. Orenburg, 2015, pp. 579—583. (In Russian)
30. Semiryaga M. I. *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Collaborationism. Nature, typology and manifestations during the World War II]. Moscow, 2000. 863 p. (In Russian)
31. Senyavskaya E. S. *Psikhologiya voiny v XX veke: istoricheskii opyt Rossii* [The Psychology of War in the 20th Century: Russia's Historical Experience]. Moscow, 1999. 383 p. (In Russian)
32. Sobolev G. L. *Leningrad v bor'be za vyzhivaniye v blokade. Kniga pervaya: iyun' 1941 — mai 1942* [Leningrad in the struggle for survival in the blockade. Book One: June 1941 — May 1942]. St. Petersburg, 2013. 696 p. (In Russian)
33. Somov V. A. Voyna i lyudi: "nezdorovyye" nastroyeniya sovetskogo naseleniya v 1941—1942 gg. [War and people: "unhealthy" moods of the Soviet population in 1941—1942]. *Novyy istoricheskii vestnik — The New Historical Bulletin*, 2008, no. 1, pp. 95—105. (In Russian)
34. Somov V. A. *Potomu chto byla voyna: Vneekonomicheskie faktory trudovoi motivatsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941—1945)* [Because there was a war: Non-economic factors of labor motivation during the years of Great Patriotic War (1941—1945)]. Nizhnii Novgorod, 2008. 234 p. (In Russian)
35. *Tverskoi tsentr dokumentatsii noveishei istorii* [Tver Center for Documentation of Recent History] (TTsDNI). F. 147. Op. 3. D. 79.

36. TTsDNI. F. 147. Op. 3. D. 345.
37. TTsDNI. F. 147. Op. 3. D. 1148.
38. TTsDNI. F. 147. Op. 3. D. 1152.
39. TTsDNI. F. 147. Op. 3. D. 1204.
40. TTsDNI. F. 425. Op. 1. D. 125.
41. TTsDNI. F. 431. Op. 1. D. 604.
42. TTsDNI. F. 7849. D. 12931-s.
43. TTsDNI. F. 7849. D. 15004-s.
44. TTsDNI. F. 7849. D. 16861-s.
45. TTsDNI. F. 7849. D. 18384-s.
46. TTsDNI. F. 7849. D. 19451-s.
47. TTsDNI. F. 7849. D. 26780-s.
48. TTsDNI. F. 7849. D. 26781-s.
49. TTsDNI. F. 7849. D. 27578-s.
50. TTsDNI. F. 7849. D. 28213-s.
51. TTsDNI. F. 7849. D. 31218-s.
52. TTsDNI. F. 7849. D. 31433-s.
53. TTsDNI. F. 7849. D. 32448-s.

54. Tereshina O. V. Religioznaya zhizn' naroda v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i ee nevernaya gosudarstvennaya interpretatsiya [The religious life of the people during the Great Patriotic War and its incorrect state interpretation]. *Velikaya Otechestvennaya voina — geroicheskaya i tragicheskaya stranitsy v istorii sovetskogo naroda. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: sb. statei* [The Great Patriotic War — a heroic and tragic page in the history of the Soviet people. International scientific-practical conf. Digest of articles]. Orenburg, 2016, pp. 366—371. (In Russian)

55. Khisamutdinova R. R. Povsednevnyaya zhizn' i obshchestvennye nastroyeniya sel'skogo naseleniya Urala v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voiny [Everyday life and public attitudes of the rural population of the Urals during the Great Patriotic War]. *Ekstremal'noe v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: regional'nyi aspekt: sbornik materialov mezhdunar. nauch. konf.* [Extreme in the everyday life of the population of Russia: regional aspect. Proceed. of the Internat. sci. conf.]. St. Petersburg, 2017, pp. 270—279. (In Russian)